

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕТСКИХ ЯСЛЕЙ (CRÈCHES) В РОССИИ

Дорена Кароли
Университет Мачераты,
Мачерата, Италия

THE INTRODUCTION AND SPREAD OF EUROPEAN-STYLE CRÈCHES IN RUSSIA*

Dorena Caroli
University of Macerata,
Macerata, Italy

This article considers Russia's turn at the end of the 18th century to European educational models, both institutionally (orphanages, schools, nurseries, and lyceums) and in terms of pedagogical methodology. The crèche is an example of one such institution that was spread widely across the Russian Empire. The aim of this research is to show the development of this institution and to define its function. The author considers how this model was adapted to Russian conditions in the late 19th and early 20th centuries. Immediately after the Great Reforms, the organisation of crèches was exclusively a product of private initiative: it was only from 1891 that they were developed systematically with support from the state and the ruling dynasty. On the basis of descriptions and statistics, the article evaluates how many children were accepted into these institutions, the methods of education used, the deployment of hygienic safeguards, the financial support available, and the level of education possessed by crèche teachers. The relationships that mothers from the peasantry and the working classes had with these establishments is also discussed. Finally, this piece looks at how the development of a network of creches was linked with the important demographic phenomenon of child mortality. Drawing comparisons with Western and Central Europe, the author arrives at the conclusion that although crèches followed the same scheme in Russia as they did elsewhere, their general condition was unsatisfactory.

* *Citation:* Caroli, D. (2016). The Introduction and Spread of European Style Crèches in Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180.

Цитирование: Caroli D. The Introduction and Spread of European-Style Crèches in Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180 / Кароли Д. Распространение европейской образовательной модели детских яслей (crèches) в России // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180.

Thanks to the government's disinterest until quite late, many plans for crèches remained unrealised on the eve of the First World War.

Keywords: history of education in Russia; crèches; Department of Orphanages; Department of the Institutions of Empress Maria; defence of maternity and childhood.

Рассмотрено обращение в России конца XVIII в. к европейским просветительским моделям в сфере образования, как в системе учреждений (приютах для подкидышей, школах, детских садах и лицеях), так и в воспроизведении воспитательных методов. Одним из таких учреждений, получивших широкое распространение, были *crèches* (детские ясли). Целью исследования автора является воссоздание этапов появления учреждений, предназначенных для присмотра за маленькими детьми, и определение их функций. Автор прослеживает процесс адаптации этой модели к российским условиям в последних десятилетиях XIX — начале XX в. В пореформенной России организация яслей была связана исключительно с частной инициативой, и лишь с 1891 г. процесс развития детских учреждений приобрел системный характер, получив поддержку государства и покровительство правящей династии. На основании отчетов и описаний приводятся статистические данные о количестве детей, принимавшихся в ясли, сведения о характере ухода, воспитания, об организации профилактических и гигиенических процедур, о питании, объемах финансирования, составе и квалификационном уровне персонала. Выявляется отношение к институту младенческих учреждений со стороны матерей — крестьянок и работниц. Анализируется взаимосвязь между развитием сети детских учреждений ясельного типа и важным демографическим показателем — детской смертностью, в том числе в сравнении с аналогичными показателями в ряде стран Западной и Центральной Европы. Автор приходит к выводу, что хотя развитие ясельных учреждений происходило в России по той же схеме, что и в остальных европейских государствах, общее их состояние оставалось неудовлетворительным. Правительство слишком поздно начало принимать меры по форсированию системы охраны детства; с началом Первой мировой войны многие планы остались нереализованными.

Ключевые слова: история воспитания в России; детские ясли; Ведомство детских приютов; Ведомство учреждений императрицы Марии; охрана материнства и детства.

Распространение европейских образовательных моделей, основанных на педагогике Жан-Жака Руссо, начавшееся в конце XVIII в. (франкоязычные гувернеры), продолжалось до XX в. и существовало даже в первое десятилетие истории революционной России¹. Это

¹ Об истории распространения французской модели лицея и иезуитской коллегии см.: [Caroli, 2012]. О распространении системы предупреждения преступности несовершеннолетних, и особенно моделей американского суда для несовершеннолетних и комиссий по делам несовершеннолетних норвежского происхождения см.: [Caroli, 2004, p. 23–38, 265–288].

распространение происходило как стихийно, так и благодаря сетям ассоциаций и международным организациям, которые с последних десятилетий XIX в. занимались улучшением условий жизни и заботой о детстве. Данный феномен был характерен для европейского образования [Fuchs; Droux, Hofstetter], а не только для России, где в модернизации страны и общества были заинтересованы элиты.

Одним из успешных образовательных проектов были *crèches* (детские ясли). Учреждения этого типа принимали новорожденных, стараясь гарантировать им грудное вскармливание с целью предупредить детскую смертность и оказать помощь работающим женщинам. Идея их открытия в Париже связана с именем юриста и филантропа Фирмина Марбо (1798–1875), который в 1844 г. открыл первые ясли для законнорожденных бедных детей возрастом младше двух лет, чьи матери были «благонравными» и работали вне дома. Ему было выделено помещение с «двенадцатью колыбелями, несколькими стульями, несколькими маленькими креслами, рамкой, в которой висел распорядок, с минимальными расходами на одного ребенка в размере 50 центов» [Caroli, 2014, p. 38]. Ясли, получившие поддержку благотворительных обществ, быстро распространились во Франции благодаря поддержке медиками принципа грудного вскармливания в качестве основного средства борьбы с детской смертностью и идеям о необходимости воспитания детей с младенческого возраста, которые распространились во второй половине XIX в. благодаря публикациям многочисленных трактатов на эту тему. Наиболее известными были сочинения Альфреда Карона и Адольфа Пинара, которые фундаментально изменили практику ухода за ребенком, обучая мать оберегать его с рождения [Caron; Pinard]. Деятельность этих учреждений вызывала споры, вызванные распространением массовых заболеваний из-за нахождения детей в одном месте, и противники яслей видели в этом больше неудобств, чем преимуществ. Марбо же считал ясли учреждениями, полезными для общего блага и счастья человечества.

В процессе реформ 1862 и 1897 г. менялись устройство яслей и их внутренняя структура, возраст детей, функции персонала. Эти реформы привели к превращению яслей (*crèches*) во что-то вроде «крепостей по охране гигиены», здания напоминали больницы, порядок в них был нацелен на предотвращение эпидемий. В этот период началась организация яслей на промышленных предприятиях и ночных яслей для детей работающих женщин. В ряде стран Европы после Первой мировой войны ясли (*crèches*) были преобразованы в *garderies*, то есть учреждения по дневному присмотру за грудными детьми. Кроме того, благодаря закону об охране материнства, принятому в 1919 г. для некоторых категорий женщин, работницы получали пособие по материнству и могли заниматься грудным вскармливанием дома в течение первых двух месяцев после родов.

Франция, создав сеть вспомогательных учреждений для маленьких детей (ясли (*crèches*), диспансеры, консультации для новорож-

денных и молочные кухни («Капля молока»)), явила собой для Европы и всего мира модель для борьбы с детской смертностью и стала инициатором густой сети действовавших в данной сфере международных организаций, обществ и учреждений. Начиная с первых десятилетий XX в. важной стороной стало также образование персонала [Caroli, 2014, p. 66–81]. Россия наравне с Италией была в числе стран, благосклонно принявших идею *crèches*. По некоторым источникам, их прототип существовал в России и до признания модели Марбо, но в единичных случаях. Речь идет о детских яслях, созданных в 1716 г. в городе Бело (бывшая Седлецкая губерния) по инициативе частных благотворителей [Chenguelidzé; Скорнякова].

Эти особые учреждения для грудных детей были аналогичны европейским приютам для незаконнорожденных, об их существовании сообщали путешественники и пресса того времени [Розенфельд]. На основании указа Царя Петра I (1712) были созданы *шпиталеты*, то есть специальные приюты, во многом похожие на приюты для подкидышей, которые принимали незаконнорожденных детей, подкинутых в провинциальных городах, в целях борьбы с детоубийством. Их возникновение и бытование во время правления царя Петра Великого широко изучены в западной историографии².

В отличие от Европы и особенно от Италии, в России не существовало форм системной благотворительности, организованной церковью. В соответствии с православной этикой, по крайней мере, до 1860 г. милосердие понималось не столько в качестве проявления добрых чувств по отношению к ближнему, сколько в качестве нравственной деятельности [Lindenmeyr].

В период правления Екатерины II министр и педагог Иван Иванович Бецкой (1704–1795) способствовал учреждению двух первых российских государственных приютов для подкидышей (воспитательных домов) в Москве и в Санкт-Петербурге, которые работали на основании принципа открытого приема детей с целью воспитания горожан по модели Джона Локка (1632–1704). Тип воспитательных домов Бецкого распространился в других российских городах, система была изменена благодаря супруге императора Павла I Марии Федоровне, которая перевела сирот в качестве учеников в деревню, переформировав первоначальный проект воспитания джентльмена [Ransel, p. 8–30, 34–36, 76].

Увеличение числа оставленных детей после 1870 г. привело к необходимости сохранить связь между матерью и ребенком в надежде облегчить траты на содержание учреждений, которые лишь в конце века обрели поддержку благотворительных обществ³. Вместе с тем, оставалась распространенной практика отдавать детей на воспита-

² О модели приюта для подкидышей см.: [Ransel]; о распространении модели фрёбелевских Kindergarten см.: [Kirschenbaum].

³ Число оставленных детей выросло с 88 167 чел. в 1870 г. до 130 тыс. чел. в 1899 г. [Ransel, p. 77, 97, 99].

ние кормилицам-крестьянкам или же семьям опекунов из окрестных деревень [Ransel, p. 110, 176]. Знатные семьи нанимали кормилицу или няню, русскую или иностранку (француженку или немку) для дневного присмотра за детьми, а крестьянские семьи оставляли маленьких детей на попечение дочерей 7–8 лет. Детей также часто поручали бабушкам, поскольку, в отличие от европейских стран, где большие семьи были менее распространены, в России представители нескольких поколений жили в доме одной семьей [Mitterauer, Kagan, p. 120]. Во всех социальных слоях была распространена традиция оставлять детей под присмотром дедушек и бабушек на некоторый период. Случалось, что в отсутствие бабушек или старших братьев и сестер детей оставляли одних, помещая в корзины или деревянные ящики, подвешенные к потолку веревками, чтобы защитить их от домашних животных [Chenguelidzé, p. 684].

Этапы распространения яслей в России

Распространение яслей в России XIX в. можно разделить на два этапа, которые характеризуются особенностями, похожими на те, что встречаются в других странах. Во время первого этапа, датируемого периодом между реформами 1860–1870-х и реформой 1891 г., развитие яслей было заслугой частной инициативы. Во время второго этапа (между реформой 1891 г. и революцией 1917 г.) появляются центры по координации деятельности всех детских учреждений, которые становятся инициаторами процесса институциональной модернизации.

Открытие яслей происходило благодаря усилиям Комитета главного попечительства для учреждения и управления детских приютов, основанного 7 ноября 1838 г. Комитет издал специальные правила дневного присмотра за детьми, которые были призваны воссоздавать семейную атмосферу и прививать религиозное воспитание детям из бедных социальных слоев [Пушкарёва, с. 26–27]. В течение 25 лет, с 1839 по 1864 г., комитет открыл около 98 учреждений, а в 1869 г. его функции были переданы Канцелярии по управлению детскими приютами [Пушкарёва, с. 28]. Вероятнее всего, речь шла о яслях английского типа. Действительно, модель *salles d'asile* и *infant schools* имела хождение в России задолго до фрёбелевских *Kindergarten*⁴ благодаря эмиграции французских воспитательниц, которые, прежде чем приехать в Россию, проводили какое-то время в Англии и порой принимались за англичанок [Розенфельд, с. 25].

В течение 60-х гг. XIX в. в столице и других российских городах число детских садов увеличивалось. Детские сады, открытые в Санкт-Петербурге и Москве в период между концом 1850-х и началом 1860-х гг. немецкими эмигрантами и обучавшимися в Германии русскими,

⁴ Ф. Фрёбель (1782–1852) – немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, идеи которого были широко распространены в России (прим. ред.).

были фрёбелевскими скорее по названию, а не по сути. Их открытие было делом частной инициативы. Первый детский сад работал с 1863 по 1869 г. благодаря инициативе Софии Люгебиль, супруги доцента кафедры греческой словесности Санкт-Петербургского университета. По воспоминаниям Елизаветы Водовозовой, выпускницы Смольного института, писателя и педагога в сфере дошкольного образования (1844–1923), в этом учреждении, хотя оно и было создано на скорую руку, царила довольно приятная и веселая атмосфера, и дети просились у мам и нянь, которые за ними приходили, остаться там подольше [Kirschenbaum, p. 12–19].

В известном сочинении «Умственное развитие детей от первого появления сознания до восьмилетнего возраста» (СПб., 1871), обнаруживающем прямое влияние идей русского педагога К. Д. Ушинского (1824–1870), Е. Н. Водовозова ставила в центр образовательной программы русский язык, советовала родителям чаще использовать народные игрушки, рассказывать народные сказки и петь народные песни, так как она разделяла с супругом (тоже педагогом) убеждение, что фрёбелевский метод воспитания слишком жесткий [Kirschenbaum, p. 14–15].

В последующий период, особенно в 1880-е гг., детских садов было открыто немного, поскольку государство оказывало предпочтение приютам для детей городской бедноты в связи с убеждениями о необходимости общественной благотворительности, которой можно было бы смягчить тяжесть социальных проблем. В это время К. Д. Ушинский и В. И. Водовозов постоянно напоминали учителям и родителям о необходимости уважать дух свободы у детей дошкольного возраста.

В последнее десятилетие XIX в., во время второй волны открытия детских садов для детей из бедных слоев населения, их устройство уже мало зависело от немецкой модели. Возможно, это происходило благодаря авторитету педагогического опыта Льва Толстого с его довольно критическим отношением к авторитаризму учителей и родителей.

В различных губерниях России использование женской рабочей силы влекло за собой создание учреждений дневного присмотра за детьми, обозначенных не только как *детские сады*, но также и как *очаги*. Речь шла об учреждениях, в которых образовательный аспект отходил на второй план по сравнению с кормлением и медицинским контролем, хотя в некоторых случаях учитывались и образовательные цели [Kirschenbaum, p. 26].

Первые русские марксисты предвидели «революционный потенциал детских садов, которые гарантировали присмотр в течение всего дня», и предлагали общедоступный прием в эти учреждения «в качестве решающего шага к эмансипации женщин и средства модернизации и революции семьи» [Kirschenbaum, p. 29–30].

По сравнению с открытием детских садов создание детских яслей, часто ассоциировавшихся с приютами (вероятно, этим термином переводилось французское понятие *salle d'asile*), было исключительным

явлением. Если сначала французская модель *crèche* Марбо была приспособлена к российским условиям, так как ясли предлагали присмотр за детьми в возрасте от шести месяцев до шести-семи лет, то позднее они все больше соответствовали французским реформам, что было отмечено и в российской публицистике [Селиванов, с. 19–23].

Эти учреждения начинают распространяться с 60-х гг. XIX в. благодаря благотворительным инициативам, развивавшимся под покровительством Императорского дома (задолго, кстати, до перевода на русский язык руководства по *crèches* Фирмина Марбо в 1890 г.). Уважаемые граждане, часто награжденные престижными званиями, в своем стремлении проявить милосердие в активных его формах обращались к моделям европейских обществ, чтобы противостоять российским социальным проблемам⁵. Зарождающаяся буржуазия возводила благотворительность в ранг «гражданского долга и способа внести свой вклад в борьбу с отсталостью России» [Lindermeyer, p. 686].

В заключительной части руководства Марбо содержалось исследование, опубликованное в русском издании, которое представляло схему размещения впервые открытых в Санкт-Петербурге после 1864 г. яслей, а также их распространение на обширной российской территории. Речь шла о яслях для небольших групп детей, которые работали благодаря частным фондам. Например, по инициативе великой княгини Елены Павловны, супруги Н. М. Милютина, были организованы ясли, в которых содержались десять детей [Марбо, с. 15–18].

На первом этапе своего распространения в России истинных *crèches*, описанных Марбо, не существовало, хотя и были ясли-приюты, которые принимали детей до 4–5 и даже до 8–10 лет. Однако даже во Франции в некоторых случаях возникали учреждения, в состав которых входили *crèches*, *salles d'asile* и начальная школа. Эта модель была задействована и в России [Там же, с. 16].

Не имея устава, бюджета и персонала, учреждения для грудных детей лишь впоследствии приобрели более организованное устройство. В течение нескольких лет в различных районах столицы возникли десятки яслей, в которых были небольшие группы детей. Среди первых был открыт приют для грудных детей в возрасте до одного года, который управлялся Императорским человеколюбивым обществом. Как и в Европе, некоторые воспитатели открывали ясли на фабриках. В качестве примера можно привести табачную фабрику «Богданов», где были устроены ясли на 50 бедных и больных детей. Известны и другие примеры яслей для детей 4–5 лет: при Покровской общине сестер милосердия на 12 детей с платой за пансион, от которой были освобождены только самые бедные; ясли лютеранской церкви святой Екатерины для детей от 3 до 5 лет; и, наконец, в Царском Селе в помещении Благотворительного общества были

⁵ Благотворители получали медали и отличительные знаки, которые часто были желанными для купцов, не имеющих знатных титулов, см.: [Lindermeyer, p. 687–688].

открыты ясли и *денная колыбельная*, основанная служащим морского флота, рассчитанная на 10 детей, девочек и мальчиков, возрастом до 4 лет [Марбо, с. 16].

Впоследствии в столице в 1870–1880-е гг. число яслей увеличилось до четырех, их цель состояла в помощи бедным семьям. В условиях зарождающейся индустриализации ясли в рабочих районах принимали две группы детей, из которых более многочисленная (включавшая от 12 до 42 человек) оставалась только на дневное время, а вторая – также и на ночное (в среднем 30 человек). Ясли финансировались частным капиталом, а за уход за детьми взималась плата в размере 15 копеек в месяц. Несколько яслей были созданы кружком финских дворянок в Выборге в 1887 г. [Алексеев, с. 2–5]. Однако ясли не были только «городским» явлением. В том же году в некоторых деревнях Санкт-Петербургской губернии сами крестьяне на период с 1 июля по 15 сентября основали ясли, чтобы дети не оставались с пожилыми женщинами или неопытными старшими детьми, пока родители заняты на полевых работах [Марбо, с. 16].

В 1888 г. в Харькове по инициативе супруги бургомистра М. Н. Ферсенко были открыты ясли для детей бедных рабочих в возрасте от 1 до 10 лет. Ясли принимали от 15 до 35 детей в день, обеспечивая им соответствующие питание и гигиену. Десять лет спустя Ферсенко издала брошюру, в которой она утверждала, что ясли необходимы не только в городе, но также и в деревне, где дети страдали молочницей (кандидозным стоматитом) и дизентерией. Ферсенко полагала, что ясли были бы полезными не только для предотвращения нахождения детей без присмотра, но также и для борьбы с пожарами, о которых в большой панике писала пресса. Действительно, домашние пожары, вызванные в том числе неосторожным обращением детей с огнем, часто имели самые трагические последствия [Ферсенко, с. 3, 9–10].

В последнее десятилетие XIX в. существовали ясли с различным режимом работы. Они возникали благодаря частным предпринимателям и благотворителям или усилиям местных властей в крупных городах и инициативе сельского населения в деревнях. Их развитие было ускорено вниманием публицистики к организации яслей во избежание опасности, связанной с беспризорностью детей, приводившей к несчастным случаям. Новооткрытые ясли часто были приспособлены к местным условиям в тех городах, где женский труд был более частым явлением, например, в Москве, Саратове, Вологде, Таганроге, Нижнем Новгороде, Самаре, Риге, Одессе, Киеве и Николаеве (в последнем ясли были закрыты в 1889 г.) [Марбо, с. 16]).

В Москве семья предпринимателей Милютиных открыла двое яслей для детей рабочих, которые проживали в окрестностях города в зданиях, принадлежащих Раменской фабрике. В каждом яслях было различное число нянь (до шести человек), получавших максимальное жалование в размере шести рублей в месяц, и одна надзирательница. Всего из числившихся в списке 211 детей рабочих примерно 30–35

человек в день приводили в ясли, которые были хорошо оснащены с гигиенической точки зрения, обеспечены горячей и холодной проточной водой и чистым постельным бельем [Марбо, с. 17].

Среди сведений о других яслях, созданных в последние десятилетия XIX в., заслуживают внимание ясли, открытые врачом деревни Лысково Рузского уезда при Покровской больнице. Они были наиболее близки к модели Марбо, так как туда принимали детей от трех месяцев до двух лет. В открытых с 28 июня по 8 сентября яслях имелись корзинки для укачивания детей и коврик для тех, кто начинал ползать. Семеро детей проводили там дневное время, пока их матери работали в поле, приходя один раз в день, чтобы покормить детей. Отнятых от груди детей бесплатно кормили и одевали. Общие затраты за 72 дня работы яслей составили 115 руб., эта сумма покрывалась небольшими вкладами со стороны семей и местной администрации. Заведующей яслями была сельская учительница, которая обучала матерей правильному грудному вскармливанию. К ней также приходили женщины из соседних деревень за советами по уходу за детьми [Там же].

Перевод на русский язык руководства Марбо, изданный в 1890 г., стал стимулом к активизации деятельности данных учреждений в сфере образования матерей. Во введении утверждалось: «ясли – учреждение предупредительной благотворительности, делающее добро детям и матерям не только в настоящем, но и в будущем, довольствующееся платой, не покрывающей расходы, и окружающее детей всеми необходимыми в раннем детстве заботами о правильном физическом, умственном и нравственном развитии. Что касается до матерей, то для них ясли важны в том отношении, что представляют прекрасный пример разумного воспитания и дают возможность пользоваться советами о дальнейшем уходе за детьми» [Там же, с. 5]. Все медицинские конгрессы и различные местные администрации в Перми, Казани, Симбирске и Орле единодушно выступали в пользу яслей, которые могли помочь в борьбе с высоким показателем детской смертности в деревне.

Реформа дошкольных учреждений 1891 г.

Развитие детских учреждений, от приютов до яслей, получило новый импульс в результате реформы в Ведомстве учреждений императрицы Марии, которое находилось под покровительством императрицы Марии Фёдоровны.

Под покровительством императорской семьи 18 июля 1891 г. ведомство приняло первое положение о детских учреждениях, среди которых фигурировали, кроме яслей, также и *приюты-ясли*, в задачу которых входил дневной уход за детьми, оставшимися без присмотра во время работы родителей или родственников или по семейным об-

стоятельствам, и тех, которые были лишены возможности получать дома воспитание и начальное образование [Ведомство, с. 5–8].

В этих приютах могли быть собраны дети обоих полов, независимо от социального положения их родителей. Хотя изначально в них могли содержаться дети старше трех лет, впоследствии туда принимались и дети от одного года в соответствии с французской моделью *crèche*, которая признавалась положением о детских учреждениях в России [Там же]. Однако в России стремление подражать моделям европейских учреждений входило в противоречие с повсеместно распространенной неграмотностью (21,1 % в 1897 г.), а низкий культурный уровень сельского населения препятствовал развитию упреждающей медицины, поскольку эпидемии считались Божьей карой [Frieden, p. 239].

Примеры работы яслей в России

Издание вышеназванного положения стало моментом разрыва с прошлым, благоприятствуя интенсивной работе по устройству яслей как в городах, так и в деревнях, и заложило основы для едва ощутимого улучшения состояния детского здоровья. В 1894 г. в Москве усилиями дворянки Екатерины Петровны Ермоловой был открыт первый приют в доме Рогожина под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны. Хотя изначально приют считался временным учреждением, он оказался постоянным и долговечным благодаря санитарному руководству доктора М. В. Духовского, который способствовал поддержке приюта с помощью православной церкви. По инициативе Елизаветы Федоровны было собрано 300 руб. на помощь неимущим детям района. Приют Рогожина находился в самой бедной части Москвы, и женщины могли привести туда своего ребенка перед тем, как отправиться на работу. Первоначально приют принимал 25 детей, включая тех, которым было больше семи лет, с 5.30 до 21.00. Матери работали на фабрике Попова (которая специализировалась на мойке бутылок) и фабрике «Эйнем», но были среди них также прачки и мелкие торговки. Других детей приводили на период с 7.00 до 18.00. Дети делились на три группы по возрастному принципу: грудные, дети от двух до четырех лет и старшие. Дети первой группы спали в корзинках с матрасами и подушками, наполненными сеном, для более старших использовались лавки и ковры с подушками. Дети второй группы проводили день в играх с надзирательницей; дети третьей группы с 10 до 12 часов посещали занятия, организованные одной из воспитательниц, а потом гуляли в саду; кроме того, несколько часов днем они были заняты развлекательными мероприятиями [Отчет, 1896, с. 2–7]. На первом этапе деятельности этих яслей с общим числом более 10 тыс. посещений в год в среднем в день отмечалось присутствие 30 детей, хотя в некоторые дни приводили

до 90 детей старше одного года. Самой малочисленной была группа, насчитывавшая десять грудных детей; самая многочисленная состояла из четырех- и пятилетних детей (16 чел.), но было также от 7 до 10 детей возрастом от 6 до 11 лет. В 1896 г. дневная стоимость за одного ребенка составляла 23,5 коп. Всего на содержание детей было потрачено 2 539 руб., включая 49 руб. на месячное жалование персоналу. Учреждение занималось также другими формами помощи, которые включали пособия матерям (общей суммой около 117 руб.), патронат над бедными в районе Пречистенки и пребывание в деревне для 21 ребенка в 1899 г. [Отчет, 1897, с. 2–7]. Из данных отчета видно, что, например, в течение 1903 г. ясли обеспечивали 226 дней работы, в среднем по четыре дня на ребенка. Были обслужены 79 детей (умерли 7,9 %) с затратами в размере 26 копеек на человека (и общей суммой затрат в 2 618 руб.). Старших детей постепенно переводили в другие детские учреждения (двоих – в приют для подкидышей, других – в школу), предлагая также программы дошкольного обучения. В первые годы XX в. здесь удалось обеспечить присмотр за 57 детьми. Впоследствии руководство яслями перешло к православной церкви, которая приступила к перераспределению пожертвований, предназначенных на поддержку яслей [Отчет, 1903, с. 3–5; Отчет, 1914, с. 10–11, 15].

Преимущества этих яслей становятся особенно очевидными, если учесть, что реформа приютов стала причиной резкого падения числа принимавшихся в них детей (с 17 тыс. чел. в 1888 г. до 9 814 чел. в 1895 г.). Помощь теперь оказывалась исключительно незаконнорожденным детям или сиротам⁶. В те же годы в ряде городов, таких как Рига, Таганрог, Ковна, Саратов и Тула, по инициативе частных благотворителей были открыты ясли.

В частности, с 1896 г. губернскому управлению Полтавы удалось открыть двое яслей благодаря сотрудничеству местных учителей и старших сестер воспитанников, взявших на себя функции воспитательниц. Дети начинали день с молитв, после чего были организованы различные занятия, игровые или образовательные. Дети получали трехразовое питание, их посещали врач и его помощник. Дневная плата составляла около 12 коп. Первоначально крестьянки с безразличием отнеслись к данному учреждению, опасаясь лишних трат и плохого обращения с детьми, но резко изменили свое мнение при виде чистых и хорошо накормленных детей. Также земства Костромы и Перми устраивали ясли в летний период, чтобы дать возможность женщинам отправиться на полевые работы, и в сотрудничестве с местным врачом открыли 11 яслей с дневной оплатой в размере 17 коп. за каждого ребенка [Там же, с. 9–12]. Постепенно организация яслей в деревне стала массовым явлением и активизировалась во

⁶ Уровень смертности в приютах был очень высоким и в 1880 г. достигал 85 %, а к началу века понизился до 75–80 %. Процент детей, которые доживали до возраста военнообязанных, составлял 24–31 %, остальные же умирали из-за голода и болезней. Когорта 1890 г. пережила 5-летний возраст в составе около 50 % [Ransel, p. 265].

время советской коллективизации в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Ясли открывались в июле с началом жатвы и закрывались в октябре после уборки урожая.

Освободившись от первоначальной подозрительности, вызванной необходимостью оплаты, сомнениями по поводу качества питания и слухами об использовании снотворного, сельское население, и особенно поденные батраки, начали отводить детей в ясли [Chenguelidzé, р. 680–692]. Распространению яслей способствовали разъяснения врачей. В частности, в Воронежской губернии широкую известность получила деятельность Комиссии по распространению гигиенического воспитания, действовавшей с 1894 г. благодаря Пироговскому обществу (основанному, в свою очередь, в 1883 г.). Комиссия опубликовала брошюру, в которой население призывали открывать подобные учреждения. На обложке, которую потом использовала советская пропаганда, был изображен оставленный без присмотра ребенок и работавшая в поле мать, что указывало на опасности, грозившие новорожденному [Frieden, р. 240–241, 255, 251–257].

В Воронежской губернии ясли открывались в помещениях школ, церквей, учреждений и даже в трактире (владелец Макаров), в крестьянских избах и в арендованных или предоставленных крестьянами зданиях, наконец, в помещениях, прилегающих к дому врача А. А. Ростовцевой. Они финансировались различными ассоциациями, страховым фондом губернской администрации и частными лицами [Ведомство, с. 13–14].

С августа 1897 г. в Воронежской губернии по инициативе нескольких благотворителей при школе были организованы ясли, состоящие из комнаты и кухни, в которых нянями работали старшие девочки. Ясли оставались открытыми с 10 июля в течение 17 дней, исключая праздники. 11 июля было зарегистрировано максимальное число детей (231), а 31 июля – 114. Посещения детей были нерегулярными, чаще приводили детей дошкольного и школьного возраста, с которыми занимались и которых развлекали. Детей до года отдавали обычно на несколько дней и нерегулярно [Там же].

В ясли принимали только здоровых детей, а заболевших инфекционными (малярией и коклюшем) или другими заболеваниями (кератитом, конъюнктивитом, экземой, диареей, малокровием и зубными болезнями) старались быстро удалить, для чего осуществлялся ежедневный медицинский контроль. Грудных детей кормили шесть-семь раз в день теплым молоком, пшенной кашей на молоке и баранками, размоченными в кипятке. Дети старше двух лет ежедневно на завтрак ели кашу с салом или постным маслом, на обед и ужин бульон с вермишелью, горошком и огурцами и на ужин кашу с молоком или постным маслом. Режим дня предусматривал не только кормление, но и купание, причем старших детей купали в реке или пруду, проводили с ними занятия и игры на свежем воздухе, читали сказки и библейские истории, а также занимались пением [Там же].

Из суммы, выделенной на ясли, было потрачено 148 руб. на питание (3,5 коп. в день на каждого ребенка), около 70 руб. на оборудование, постельное белье и кухонную утварь, и наконец 22 руб. – на жалование персоналу. Сельское население помогало, заготавливая торф для отопления и поставляя воду [Ростовцева, с. 60–61]. В этих яслях, как и в других, несмотря на уход и питание, в течение летних месяцев диарея и дизентерия стали причиной нескольких смертей, преимущественно младенцев.

На VI конференции врачей Воронежской губернии, проходившей в конце 1897 г., доктор А. А. Ростовцева рассказала о своем первом опыте открытия яслей в Муромке (Цимлянского уезда) благодаря экономической поддержке местного земства [Ростовцева].

Было открыто 11 яслей, и в течение 235 дней работы они приняли 1 453 ребенка со средним числом постоянных посещений в 9,5 дня у каждого. В 1898 г. были основаны ясли на севере губернии усилиями Ассоциации Красного креста и Императорской ассоциации по экономической эмансипации [Тезяков, с. 3–4]. Губернская администрация ассигновала для финансирования яслей 3 тыс. руб. из фонда страхового капитала (по 250 руб. для каждого уезда). Благодаря другим источникам финансирования летом 1899 г. насчитывалось до 24 яслей; в них содержались 2 119 детей, которые в среднем проводили там 12,8 дня (из общего числа в 665 дней работы яслей). В течение 1900 г. ясли посетило 3 018 детей, общее число дней присутствия равнялось 36 260. Эти цифры свидетельствуют о снижении уровня недоверия населения к персоналу, который занимался «грязными крестьянскими непослушными детьми» [Там же].

Опыт воронежской администрации приобрел широкий резонанс по всей России и оказал должное воздействие на распространение яслей в царствование императора Александра III. Летом 1898 г. городская ассоциация Суджи (к югу от Курска) организовала 18 яслей в арендованных избах или школах для 995 детей крестьянок (на сумму в 851 руб. из разных источников) [Ведомство учреждений императрицы Марии, с. 13–14].

Детские сады и ясли в начале XX в.

Заметный интерес к детским яслям в России объясняется их превентивной функцией по отношению к детской смертности⁷. Для повышения качества медицинской подготовки персонала управления приютами для подкинутых младенцев было переведено в губернские города.

В российской и западной прессе указывалась статистика смертности, составлявшая до 2 млн детей до 15 лет в год, из которых 1 млн 200 тыс. составляли дети младше одного года при общей численности населения

⁷ Смертность в приютах для подкидышей составляла в 1898 г. 70–80 % среди детей до одного года и 76 % для детей от одного до пяти лет. В 1898–1900 гг., например, в Московском приюте для подкидышей умерли 66,2 % новорожденных.

не более 94 млн человек. В 1906–1908 гг. Россия занимала первое место по статистике детской смертности с показателем в 26,3 %, и этот показатель бичевали как истинное преступление [Розенфельд, с. 24]⁸. Фабричные ясли обладали лучшими условиями по сравнению с яслями, организованными в городе или в деревне, несмотря на немногочисленность первых. По подсчетам А. Ф. Селиванова, «их на всю Россию не более 50 при фабриках. Некоторые из этих яслей поставлены образцово, при фабрике Саввы Морозова в м. Никольском Владимирской губернии, при резиновой мануфактуре в Петербурге и т. д. Эти ясли находятся под надзором врачей. На фабрике Саввы Морозова в яслях ежедневно бывает более 200 детей. Некоторые из фабрикантов дают субсидии яслям, содержимым разными благотворительными обществами, например, яслям, содержимым Обществом попечения о бедных и больных детях в Петербурге, в Москве, в Лодзи и т. д.» [Селиванов, с. 22–23]. Несмотря на различные условия, устройство яслей было везде похожим. Ясли работали с 5 часов утра до 7 часов вечера. После привода детей в ясли на них надевали фартуки, как правило, белые, и пока грудных детей кормили, старшие дети играли, в их воспитании принимали участие благородные дамы из благотворительных обществ. Санитарные условия в этих учреждениях со временем ощутимо улучшились, в ряде случаев отмечалось наличие садов для занятий детей на свежем воздухе [Селиванов, с. 23].

Распространение яслей было вновь начато Ведомством учреждений императрицы Марии (изначально основанным в 1796 г. и преобразованным в четвертое отделение Секретной канцелярии во время правления императора Николая II) благодаря появлению новых ассоциаций. Россия старалась подражать Европе, модернизируя воспитательные учреждения для раннего детства [Селиванов, с. 23].

В начале XX в. выделились три ассоциации по созданию яслей (Рига, Таганрог, Пенза), которые пользовались финансовой поддержкой местных предпринимателей, использовавших женскую рабочую силу. Хорошо организованные ясли Риги и Пензы принимали детей нежного возраста начиная с 4 месяцев до 4 лет [Селиванов, с. 24]. В Пензе в 1897 г. в течение трех месяцев было устроено 11 яслей с участием губернской администрации с финансированием в 277 руб. Население стало привозить в них детей из отдаленных местностей. В Курске городские власти выделили помещение, позаботилась о качестве персонала, закупили книги и игрушки для занятий детей, которых также обучали началам грамотности, молитвам и пению [Там же, с. 25]. Пермская администрация включила в баланс на 1898 г. расход в 17 руб. на каждого ребенка. Ясли были постепенно оснащены керосиновыми плитами для стерилизации молока, а использованную воду кипятили в печи или в самоваре. Новорожденных кормили исключительно коровьим молоком, стерилизованным или кипяче-

⁸ Более высокие показатели наблюдались во всей Центральной и Восточной Европе (22,1 % в Баварии, 20,1 % в Саксонии, 20,6 % в Австрии, 20,4 % в Венгрии, 17,3 % в Пруссии, 17,8 % в Бадене и 19 % в Вюртемберге) [Raffaelli, p. 9; Авдеев; Колганова].

ным, разбавленным водой соответственно возрасту, старших детей кормили кашей и другой едой. Кормили из стеклянных бутылочек с сосками, подобных современным, но при этом матерей побуждали кормить грудью, особенно в летние месяцы [Там же]. Внутренний распорядок сельских яслей мог быть различным. Среди яслей, которые предлагали уход и питание, в качестве образцов указывались такие, которые предоставляли чистую одежду и обеспечивали соблюдение правил гигиены. В других деревенских яслях Суджанского уезда (к юго-западу от Курска) сами крестьяне приносили люльки, кухонную утварь и даже питание [Там же, с. 27].

В конце XIX в. число яслей и яслей-приютов колебалось от 234 в 1898 г. до 200 в 1900 г. Ясли обслуживали порядка 25,4 тыс. детей в возрасте от 15 дней до 14 лет [Chenguelidzé, p. 680–681]. Отмечается преобладание яслей, устроенных по французской модели, хотя другие ясли также принимали детей в возрасте от года до пяти лет [Ibid., p. 682].

В первые годы XX в. ощущалась необходимость сохранять различные типы яслей, соответствующие местным потребностям. Повсеместно рекомендовались регулярные медицинские проверки детей и наличие медицинского образования для надзирательниц. Невысокий уровень образования персонала приводил к недостаточным знаниям об особенностях питания детей, что часто становилось причиной расстройств желудка и болезней. Как писал А. Ф. Селиванов: «Лица, заведующие яслями, часто не имеют никакого понятия о воспитании детей. Часто они даже не видывали других подобных заведений и не имеют никакого понятия об их устройстве и организации. Они даже не знают, что можно давать есть детям, и мне приходилось видеть, как твердую и неудобоперевариваемую пищу давали очень маленьким детям, и затем надзирательницы удивились, почему дети страдали желудком» [Селиванов, с. 28]. Для повышения уровня образования и противостояния небрежности персонала вызревала идея выработки методов воспитания, соответствующих детям дошкольного возраста. Приходило осознание того, что для содержания детей необходимо заботиться и о состоянии помещений, в которых часто было невозможно соблюдать минимальные гигиенические условия [Там же, с. 27–29].

Несмотря на интенсивное увеличение числа детских учреждений вплоть до 1905 г., число детей, принимавшихся в 433 яслях (11 450 чел.), устроенных при мануфактурах и в приютах различного типа, считалось незначительным по сравнению с ужасающим средним числом детей, ежегодно умиравших из-за отсутствия необходимой заботы (1 млн 196 тыс.). В столице насчитывалось не более 27 яслей, девять из которых находились в окраинных районах города и в пригородах. Недостаточное число учреждений для детей раннего возраста привело к тому, что даже православная церковь, мало занимавшаяся ранее данными вопросами, начала принимать участие в некоторых филантропических начинаниях в пользу детей [Розенфельд, с. 29]. Картина распростра-

нения яслей разного типа, хотя и демонстрировала некоторые сходные с Европой черты, обнаруживала определенное отставание от нее. В первые годы XX в. император Николай II лично высказался за распространение яслей на территории Российской империи. Революционные движения 1905 г. способствовали государственному вмешательству в дело охраны раннего детства посредством введения социального страхования рабочих (1912). В 1913 г. император Николай II создал Всероссийское попечительство об охране материнства и детства, которое занималось организацией отделов материнства, консультаций, яслей и яслей-приютов, а также различными видами помощи, довольно похожими на те меры, которые отстаивало международное движение [Розенфельд, с. 46–49]. Данные меры помощи планировались оказывать в России повсеместно, однако в значительной степени инициатива осталась лишь на бумаге по причине начала Первой мировой войны.

Список литературы

Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография : сб. ст. / под ред. М. Б. Денисенко. М. : МАКС Пресс, 2010. 2-е изд.

Алексеев М. «Ясли» : Приют для детей рабочего класса. СПб. : Б. и., 1873.

Состоящее под высочайшим их императорских величеств покровительством Ведомство детских приютов и его задачи. Ч. 1–34. СПб. : Б. и., 1897–1911. Ч. 3. Приюты-ясли. СПб., 1899.

Колганова Е. В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Марбо Ф. Практическое руководство к устройству и ведению «яслей». М. : Б. и., 1890. 45 с.

Отчет по временному приюту-яслям в д. Рогожина (Нижне-Лесной пер., близ храма Христа Спасителя) за 1896 год. М. : Б. и., 1897.

Отчет по временному приюту-яслям в доме Рогожина (Нижне-Лесной пер., близ храма Христа Спасителя) за 1903 год. М. : Б. и., 1904.

Отчет по временному приюту-яслям в доме Рогожина (Нижне-Лесной пер., близ храма Христа Спасителя) за 1913 год. М. : Б. и., 1914.

Селиванов А. Ф. Учреждения по призрению детей : (Воспитательные дома, ясли и приюты). СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 32 с.

Скорнякова Л. К. Ясли детские // Педагогическая энциклопедия / под ред. И. А. Каирова, Ф. Н. Петрова. М. : Совет. энцикл., 1968. С. 852–854.

Пушкарева Н. Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX века // Социальная история : ежегодник. 1997. С. 226–246.

Розенфельд Б. Р. Первые учреждения для детей народа в царской России и их характер // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1949. № 85. С. 23–64.

Ростовцева А. А. Ясли-приют в с. Муромке, Цемлянского уезда // Деревенские летние ясли-приюты в Воронежской губернии летом 1900. Воронеж : Б. и., 1901.

Тезяков Н. Деревенские детские ясли приютов // Труды совещания при воронежской губернской управе гг. земских врачей по вопросу об организации летних деревенских яслей-приютов 19–21 апреля 1901 года. Воронеж : Б. и., 1901.

Ферсенко М. Н. «Ясли» : Устройство и значение их для бедного класса народа. Харьков : Тип. Южного края, 1901. 16 с.

Франкоязычные гувернеры в Европе, XVII–XIX вв. / под ред. А. В. Чудинова, В. С. Ржеуцкого. М. : ИРИ РАН, 2011. 470 с.

Caroli D. L'enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917–1937) / Préf. de Jutta Scherrer. Paris : L'Harmattan, 2004. P. 23–38, 265–288.

Caroli D. Educational Institutions, Curricula and Cultural Models in the Higher Education of the Nobility and Intelligentsia at the turn of the 20th century in Russia // History of Education and Children's Literature. 2012. Vol. 7/1. P. 341–388.

- Caroli D. *Per una storia dell'asilo nido in Europa*, Milano : Franco Angeli, 2014. 380 p.
- Caron A. C. *La puériculture ou la science d'élever hygiéniquement et physiologiquement les enfants*. 2-e éd. Paris : S. n., 1866.
- Chenguelidzé W. Les crèches en Russie, *Archive de médecine des enfants*. 1911. Vol. 14. Sept. 1911. P. 680–692.
- Droux J., Hofstetter R. *Going International : The History of Education Stepping beyond Borders // Paedagogica Historica*. 2014. Vol. 50. № 1–2. P. 10–26.
- Frieden N. M. *Child Care : Medical Reform in a Traditionalist Culture // The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research / Ed. by D. Ransel. Urbana ; Illinois : S. n., 1978. P. 236–259.*
- Fuchs E. *The Creation of New International Networks in Education : The League of Nations and Educational Organizations in the 1920-s // Paedagogica Historica*. 2007. Vol. 43. № 2. P. 199–209.
- Kirschenbaum L. A. *Small Comrades : Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. N. Y. ; L. : Routledge, 2001. 232 p.
- Lindenmeyr A. *The Ethos of Charity in Imperial Russia // J. of Social History*. 1990. Vol. 23. № 4. P. 679–694.
- Mitterauer M., Kagan A. *Russian and central European Family Structures: a comparative view // J. of Family History*. 1982. Vol. 7. № 1. P. 103–131.
- Pinard A. *La puériculture du premier âge: nourriture, vêtement, hygiène* Colin: S. n., 1904.
- Raffaelli G. *La protezione del lattante*. Borgo San Donnino : S. n., 1924.
- Ransel D. L. *Mothers of Misery : Child Abandonment in Russia*. Princeton ; N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1988. 344 p.
- Staroverova T. I. *Home Education in Russia // Russian Education and Society*. 2011. Vol. 53. № 10. P. 23–36.
- Worthman R. *The Russian Empress as Mother // The Family in Imperial Russia : New Lines of Historical Research / Ed. by D. Ransel. Urbana ; Illinois : S. n., 1978. P. 60–74.*

References

- Alekseev, M. “Yasli” : *Priyut dlya detey rabocheho klassa* [Nurseries: A Home for Working Class Children]. (1873). St. Petersburg.
- Avdeev, A. (2010). *Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR* [Infant Mortality and the History of Motherhood and Childhood Protection in Russia and the USSR]. In Denisenko, M. B. (Ed.). *Istoricheskaya demografiya : sbornik statey* (pp. 13–72). 2nd Ed. Moscow, MAKS Press.
- Caroli, D. (Scherrer, J. (Foreword)). (2004). *L'enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917–1937)* (pp. 23–38, 265–288). Paris, L'Harmattan.
- Caroli, D. (2012). Educational Institutions, Curricula and Cultural Models in the Higher Education of the Nobility and Intelligentsia at the Turn of the 20th Century in Russia. In *History of Education and Children's Literature*, Vol. 7, № 1, pp. 341–388.
- Caroli, D. (2014). *Per una storia dell'asilo nido in Europa*. 380 p. Milano, Franco Angeli.
- Caron, A. C. (1866). *La puériculture ou la science d'élever hygiéniquement et physiologiquement les enfants*. 2nd Ed. Paris.
- Chenguelidzé, W. (1911). Les crèches en Russie. In *Archive de médecine des enfants*, Vol. 14, Sept., pp. 680–692.
- Chudinov, A. V. & Rzhetsky, V. S. (Eds.). (2011). *Frankoyazychnye guverny v Evrope, XVII–XIX vv.* [French-Speaking Tutors in Europe, 17th – 19th Centuries]. 470 p. Moscow, IVI RAN.
- Droux, J. & Hofstetter, R. (2014). *Going International : The History of Education Stepping beyond Borders*. In *Paedagogica Historica*, Vol. 50, № 1–2, pp. 10–26.
- Fersenko, M. N. (1901). “Yasli” : *Ustroystvo i znachenie ikh dlya bednogo klassa naroda* [Nurseries: Their Structure and Meaning to the Poorer Classes of People]. 16 p. Kharkiv, Tipografiya “Yuzhnogo kraya”.
- Frieden, N. M. (1978). *Child Care : Medical Reform in a Traditionalist Culture*. In Ransel, D. (Ed.). *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research* (pp. 236–259). Urbana, Illinois.
- Fuchs, E. (2007). *The Creation of New International Networks in Education : The League of Nations and Educational Organizations in the 1920s*. In *Paedagogica Historica*, Vol. 43, № 2, pp. 199–209.

- Kirschenbaum, L. A. (2001). *Small Comrades : Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. 232 p. N. Y., L., Routledge.
- Kolganova, E. V. (2012). *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. : avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [The Origins of the System of Motherhood and Infancy Protection in Russia in the 19th – Early 20th Centuries : PhD Thesis Abstract (History)]. 23 p. Moscow.
- Lindenmeyr, A. (1990). The Ethos of Charity in Imperial Russia. In *J. of Social History*, Vol. 23, № 4, pp. 679–694.
- Marbo, F. (1890). *Prakticheskoe rukovodstvo k ustroystvu i vedeniyu “yasley”* [A Practical Guide to the Establishment and Management of a Nursery]. 45 p. Moscow.
- Mitterauer, M. & Kagan, A. (1982). Russian and Central European Family Structures: A Comparative View. In *J. of Family History*, Vol. 7, № 1, pp. 103–131.
- Otchet po vremennomu priyutu-yaslyam v d. Rogozhina (Nizhne-Lesnoy per., bliz khrama Khrista Spasitelya) za 1896 god* [Report on the Work of the Daycare (Nursery) in the Rogozhin House (Nizhne-Lesnoy Lane, by the Cathedral of Christ the Saviour) for 1896]. (1897). Moscow.
- Otchet po vremennomu priyutu-yaslyam v dome Rogozhina (Nizhne-Lesnoy per., bliz khrama Khrista Spasitelya) za 1903 god* [Report on the Work of the Daycare (Nursery) in the Rogozhin House (Nizhne-Lesnoy Lane, by the Cathedral of Christ the Saviour for 1903]. (1904). Moscow.
- Otchet po vremennomu priyutu-yaslyam v dome Rogozhina (Nizhne-Lesnoy per., bliz khrama Khrista Spasitelya) za 1913 god* [Report on the Work of the Daycare (Nursery) in the Rogozhin House (Nizhne-Lesnoy Lane, by the Cathedral of Christ the Saviour for 1913]. (1914). Moscow.
- Pinard, A. (1904). La puériculture du premier âge: nourriture, vêtement, hygiène. Colin.
- Pushkareva, N. L. (1998). *Mat' i ditya v russkoy sem'e XVIII – nachala XIX veka* [Mother and Child in the Russian Family of the 18th – Early 19th Centuries]. In *Sotsial'naya istoriya : ezhegodnik*. 1997 (pp. 226–246). Moscow, ROSSPEN.
- Raffaelli, G. (1924). *La protezione del lattante*. Borgo San Donnino.
- Ransel, D. L. (1988). *Mothers of Misery : Child Abandonment in Russia*. 344 p. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press.
- Rostovtseva, A. A. (1901). *Yasli-priyut v s. Muromke, Tsemlyanskogo uezda* [A Nursery in Murovka Settlement, Tsimlyansk Uyezd]. In *Derevenskie letnie yasli-priyuty v Voronezhskoy gubernii letom 1900*. Voronezh.
- Rozenfel'd, B. R. (1949). *Pervye uchrezhdeniya dlya detey naroda v tsarskoy Rossii i ikh kharakter* [The First Common People's Children's Establishments in Tsarist Russia and Their Peculiarities]. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena*, 85, pp. 23–64. Leningrad.
- Selivanov, A. F. (1900). *Uchrezhdeniya po prizreniyu detey : (Vospitatel'nye doma, yasli i priyuty)* [Children's Shelters : (Boarding Schools, Nurseries, and Orphanages)]. 32 p. St. Petersburg, tip. M. M. Stasyulevicha.
- Skornyakova, L. K. (1968). *Yasli detskie* [Children's Nurseries]. In Kairov, I. A. & Petrov, F. N. (Eds.). *Pedagogicheskaya entsiklopediya*. Vol. 4, pp. 852–854. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.
- Sostoyashchee pod vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom Vedomstvo detskikh priyutov i ego zadachi*. Ch. 1–34 [The Department of Orphanages under the High Protection of Their Imperial Majesties and Its Tasks]. (1899). Part 3. Priyuty-yasli. 22 p. St. Petersburg.
- Staroverova, T. I (2011). Home Education in Russia. In *Russian Education and Society*, Vol. 53, № 10, pp. 23–36.
- Tezyakov, N. (1901). *Derevenskie detskie yasli priyutov* [Village Children's Nurseries at Orphanages]. In *Trudy soveshchaniya pri voronezhskoy gubernskoy uprave gg. zemskikh vrachey po voprosu ob organizatsii letnikh derevenskikh yasley-priyutov 19–21 aprelya 1901 goda*. Voronezh.
- Worthman, R. (1978). The Russian Empress as Mother. In Ransel, D. (Ed.). *The Family in Imperial Russia : New Lines of Historical Research* (pp. 60–74). Urbana, Illinois.

The article was submitted on 17.05.2016

Translated by Olga Felstein